

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ ЗРЕЛОЙ ЛИРИКИ РЮРИКА ИВНЕВА

Кучин Владимир Петрович, аспирант, Московский государственный областной университет, 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 10а, e-mail: kuchin-volodia@yandex.ru.

В статье рассматривается постижение и переосмысление Рюриком Ивневым важнейших жизненных и социальных процессов. Поэт занимается анализом внутреннего мироустройства, стремится рассмотреть феномен творчества со всех сторон, выделяет «творческий» и «обывательский» пути в жизни, даёт им характеристику, формируя своё отношение к данным проблемам.

Ключевые слова: Рюрик Ивнев, лирический герой, символический образ, метафора, антитеза

PHILOSOPHICAL MOTIVES OF THE MADISH LYRIC OF RYURIK IVNEV

Kuchin Vladimir P., Postgraduate Student, Moscow State Regional University, 105005, Russia, Moscow, 10a Radio st., e-mail: kuchin-volodia@yandex.ru.

The article discusses the comprehension and rethinking of Rurik Uneven essential life and social processes. The poet deals with the analysis of the inner world that seeks to examine the phenomenon of creation from all sides, distinguishes “creative” and “narrow-minded” way of life, gives their characteristics, forming their attitude to these problems.

Keywords: Rurik Ivnev, lyrical character, symbolic image, a metaphor, antithesis

В позднем творчестве Рюрик Ивнев по-философски раскрывает многогранность жизненных, социальных, творческих процессов, исследует разные уровни сложных человеческих отношений, анализирует неизбежные противоречия окружающей действительности. В первую очередь его интересуют причины извечного противостояния безликой массы и яркого мира художника. Двойное восприятие человеческой сущности, наблюдаемое в ранних стихотворениях, находит своё место и в позднем творчестве. 11 августа 1950 г. в дневнике появляется заметка: «У меня вера в людей растёт, как трава. Казалось, осталась одна голая земля, вся трава вырвана, сожжена, но вот из-под обугленной земли вырастает новая травка» [3, с. 577]. Но некоторые записи показывают противоположную характеристику общества Рюриком Ивневым: «<...>Человек, снизошедший до животного, во сто крат хуже животного, потому что животное находится в своём естественном состоянии и поэтому не отталкивает от себя, а человек, сделавшийся животным, – это явление противоестественное и потому вызывает к себе отращение» (22 августа 1955 г.) [3, с. 604].

Пытаясь дать свою оценку этому явлению, Рюрик Ивнев раздумывает над мироустройством, стремится осознать сам феномен творчества, поэтому и создаёт множество стихотворений, посвящённых этой теме. Что заставляет художника иначе воспринимать действительность и давать свою оценку окружающему бытию? Почему эта оценка очень часто воспринимается извне как критика мирового и социального устройства? В чём её уникальность? Писавшему отвечая на эти вопросы, Рюрик Ивнев в 1965 г. создаёт стихотворение «Две реки»:

*Есть две реки, им никогда не слиться,
Одна течет, спокойна и легка,
Другая, как взбесившаяся львица,
Летит стремглав сквозь бури и века.*

*Одна река несет покой и счастье,
Не рассуждая, есть ли камни в ней;
Другая рвет все встречное на части
И с каждым веком завывает злей.*

*Какие вычислительные дроби
Определят, которая нужней?
А может быть, они нужны нам обе
В чередованье бесконечных дней? [4, с. 381]*

Уже в названии стихотворения поэтом заложена основная мысль данного произведения: противоборство двух начал, выбор двух существенно отличающихся дорог. Первая – обычное человеческое существование, спокойная и равномерная жизнь; вторая, несоизмеримо тяжёлая, – творчество.

Интересен в символическом наполнении образ именно двух рек. Литературная традиция соотносит его со стремительным движением вперёд, которое никогда не останавливается. Река имеет свой неповторимый характер, в ней выражены как созидательное начало (у берегов рек и других водоёмов селились люди), так и разрушительное (половодье, наводнение, уничтожающее всё созданное человечеством).

Первый путь несёт «покой и счастье». Жизнь, которую человек подчинил себе, течёт, словно равнинная река, тихо и упорядоченно. Плеск такой «реки» способствует внутреннему умиротворению, но никогда не позволит самореализоваться, запомниться, вписать своё имя в книгу истории. С такой же беззаботностью о человеке, избравшем данный путь, благополучно забудут потомки. По мнению поэта, «легкий» путь статичен, он заставляет человечество топтаться на одном месте.

Другая дорога как будто прорывается в космос «сквозь бури и века», неся неизведанное и потому опасное. Такое жизненное кредо требует от индивидуума каждый день новых решений, ставя его в тяжёлое положение. Жить во «взбесившемся» темпе постоянно невыносимо, нужно что-то менять, избегать подводных камней, чтобы не споткнуться о них. Одна ошибка – и этот бурный поток смывает человека, не заметив его переживаний, горьких раздумий и забот. Тем не менее «стремительная» река прекрасна, ведь ей неподвластно время и пространство.

Риторические вопросы о единственно правильном решении в финальной части произведения настраивают на извечный философский спор. Под двумя кардинально различными «реками» можно понимать не только обывательскую и творческую. Возможно, это метафорическое сопоставление отсылает к калмыцкой сказке, рассказанной Пугачёвым в пушкинской «Капитанской дочке» – о вороне и орле, о двух выборах обычного жизненного пути: яркого, бунтарского и тихого, безмятежного. В любом случае раздумья о синтезе разных мироощущений или, наоборот, о невозможности их слияния поднимают личность на высоту художника-мыслителя.

Рюрик Ивнев создаёт огромное количество стихотворений, посвящённых многогранности поэтической стези, раскрытию душевных переживаний личности художника. В стихотворении «Я ношу безропотно вериги...» (1966) поэт приоткрывает тайны творческого «горения»:

*Я ношу безропотно вериги,
Опускаюсь в древние века.
Ты уходишь на страницы книги
Со страниц живого дневника.*

*Падший ангел – это тот же ангел,
Как огнем пронизанный грехом.
Прошлых душ бессмертные фаланги
Я ловлю трепещущим пером.*

*Вижу я твой образ среброкрылый
Средь живых и выдуманных лиц,
И пред ним – то не было иль было –
Я склоняюсь без раздумья ниц.*

*Не ищи под солнцем совершенства
Там, где с явью сон переплетен.
Знаю я: у высшего блаженства
Свой, никем не познанный, закон.*

*Будь же первым в этом чувстве странном
И не бойся призраков ручных,
Если хочешь, чтобы океаны
Стали пульсом для стихов твоих [6, с. 107–108].*

Поэтический талант уподобляется тяжёлому бременю. Образ вериг, которыми окутана душа художника, говорит о его отречении от человеческого мира. Ведь эти железные цепи носили монахи-аскеты на голом теле, чтобы усмирить свою плоть. Творец таким же образом истязает свою душу.

Но именно это самобичевание помогает художнику понять вечность и человеческое бытие, подчинить их хоть на какой-то миг себе. Истинный творец способен переписывать книгу истории, запечатлевать время, останавливать мгновение. Христианский образ падшего ангела, которому, по мнению лирического героя, уподобляется поэт, является каноничным в литературе романтизма. Он такой же ангел, т.е. имеет одинаковое происхождение с небесными жителями. Но его грех – поэтический дар – не позволит спокойно жить среди обычных людей, которые не принимают бессмертную поэтическую индивидуальность. И «трепещущее перо» – символ поэзии – станет оружием против человеческого обывательского мироустройства.

Вся жизнь настоящего художника заключается в его творениях, поэтому эти, пусть и выдуманные, истории наполняют его энергией и придают силы. Иногда выдуманные образы оживают, заменяя их создателю реальных бездушных людей.

Лирический герой преклоняется перед талантом поэта. В последних двух строфах выражено поэтическое напутствие Рюрика Ивнева. Поэт опять, уже в который раз рисует два мира: реальный и художнический. И если в первом всё неидеально, «погранично», в нём нельзя ощутить истинное человеческое счастье, то во втором, особенном, созданном фантазией, творец способен на невероятные подвиги. Подчинение великой могущественной силе, выразителем которой является образ океана, чего-то огромного и необъятного, будущего, опасного, т.е. порабощение хаоса и вечности – таков удел истинного художника.

Рюрик Ивнев всегда пытался отделить истинного поэта от графоманов, пишущих ради славы и денег. В своём дневнике в ночь на 5 мая 1942 года он замечает: «Я бедствую, потому что не умею писать чернилами, а пишу кровью, а это неприбыльно» [3, с. 571]. Подобное разграничение наблюдается в стихотворении «Поэтам» (1964):

*Построчную плату вы получаете
И тянете жвачку изжёванных строф
И между строк о бессмертье мечтаете,
Смеясь над созвездьем душевных Голгоф.*

*А я плачу своею же кровью
За каждую строчку своих же стихов,
А я распинаем смертельной любовью
И к новым страданиям отныне готов.*

*Года и века сновиденьем промчатся,
Наступит для лириков Страшный суд,
Чернила, как пар, с ваших строк испарятся,
А кровь соберётся в священный сосуд.*

*А души, такие же души, как наши,
Друг с другом встречаясь на вечном пути,
Протянутся трепетно к пламенной чаше,
Чтоб в ней вдохновенье и радость найти [5, с. 80].*

Обращаясь к посредственностям, поэт обозначает их приоритеты: деньги, слава и насмешка над искренними чувствами людей. Превращая поэзию в ремесло, многие современники Рюрик Ивнева достигали невероятного успеха на этом поприще, что и тревожило поэта. Возникший образ Голгофы – места, где распяли Христа – говорит о том, что душа настоящего художника слова подвергается пыткам и мучениям, но ради святой цели – поэзии. Мещанское «поэтическое» мировоззрение недопустимо, хотя, к сожалению, довольно часто встречается.

Во второй строфе метафорически явлено истинное предназначение поэта – писать кровью, а не чернилами. В рождении стихотворения есть что-то вечное и уникальное, ведь душа поэта жертвует собой ради него. Использование крови намекает на святое, магическое и сакральное, именно поэтому все сделки с Дьяволом были подписаны ею. Это являлось признаком того, что от такого соглашения невозможно будет откреститься в будущем. Поэта это не страшит, поэтому он готов нести свой крест до смерти.

Возникшая семантическая антитеза «вечной крови» и «временных чернил» также подчёркивает ничтожность писак, старающихся только ради славы и богатства. Чернила, по мнению лирического героя, – материал для рифмоплёта. Его, в отличие от крови, можно легко достать и тратить в огромном количестве. Стихотворения, в которые не вкладывается душа поэта, ничего не стоят, они временны и пишутся на потребу обществу. Тем самым отмечается, что путь истинного поэта не зависит от мнения окружающих.

Страшный суд лириков уподобляется последнему суду над человеческой душой. Именно на нём и будут выявлены праведники и грешники, в контексте стихотворения – Поэты и конъюнктурщики. Здесь же и раскроется необходимость писать кровью. Священная пламенная чаша является символом не только высокой и настоящей поэзии, но и вечности, к которой возносят истинного Творца настоящие произведения-откровения.

Интересно описание неминуемой встречи не только в реальной жизни, но и во время Страшного суда этих двух категорий пишущих натур. Если в реальности самолюбие настоящего поэта всё-таки требует славы, и он к ней тяготеет, но не получает, то в иной жизни происходит обратный процесс. Понимая свои ошибки, «сочинители» пытаются хоть как-то оставить напоминание о себе для потомков, поэтому и пытаются напиться из пламенной чаши, наполненной кровью истинного художника. Это похоже на процесс причащения у христиан. Именно после него душа любого грешника обретёт покой и умиротворение, возрадуется и поймёт свои заблуждения.

Но истинному творцу противостоит не только «сочинитель», которому надо прославиться и обогатиться. Враждебно настроенная масса также не позволяет проявиться яркому индивидуальному началу в человеке. Толпа, как обычно, не понимает, не принимает и ненавидит того, кто не похож на неё и как-то выделяется.

Раскрывая истинное назначение поэта, Рюрик Ивнев заявляет, что творить – значит выжигать свою душу дотла, писать кровью, а не чернилами. Только такое творческое самоотвержение способно противостоять толпе. Лишь настоящему художнику дано хоть на какое-то мгновение перейти в иной мир, слиться с небесами, чтобы постичь взнезменные тайны и попытаться ответить на вечные вопросы бытия. Миссия поэта – преодолевать тотальные диссонансы несовершенного мира и посредством «бархатных листьев» поэзии исцелять его. Можно заметить, что животворящая сила искусства была и оставалась доминантой мироощущения Рюрика Ивнева – как в раннем, так и в зрелом творчестве.

Список литературы

1. Александр Белых. Ситуация «Рюрик Ивнев» / Белых Александр // Дальний Восток. – 2013. – № 2. – С. 198–227.
2. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. – 2-е изд. доп. – М. : Фортуна Лимитед, 2000. – 352 с.
3. Ивнев Рюрик. Дневник. 1906–1980 / сост. Н. П. Леонтьева, подгот. текста А. П. Дмитриева, Н. П. Леонтьева и А. В. Леонтьева ; коммент. А. П. Дмитриева / под общ. ред. А. П. Дмитриева. – М. : Эллис Лак, 2012. – 880 с.
4. Ивнев Рюрик. Избранное. Стихотворения и поэмы. 1907–1981 / Рюрик Ивнев / предисл. Н. Леонтьева. – М. : Художественная литература, 1985. – 759 с.
5. Ивнев Рюрик. Мерцающие звезды. Стихотворения. 1903–1981 / Рюрик Ивнев. – М. : Советская Россия, 1991. – 112 с.
6. Ивнев Рюрик. Стихотворения / Рюрик Ивнев. – М. : Современник, 1982. – 157 с.
7. Кучин В. П. Стихотворения-молитвы в творчестве Рюрика Ивнева / В. П. Кучин // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 3. – С. 77–83. – (Серия: Русская филология).
8. Смирнова Л. А. Золотой сон души. О русской поэзии рубежа XIX–XX вв. / Л. А. Смирнова. – М. : Водолей, 2009. – 392 с.

References

1. Aleksandr Belyh. *Situacija «Rjurik Ivnev»* [Situation “Rurik Ivnev”]. *Dal'nij Vostok* [Far East], 2013, no. 2, pp. 198–227.
2. Gasparov M. L. *Oчерк istorii russkogo stiha. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika* [Essay on the history of Russian verse. Metrics. Rhythm. Rhyme. Strafica]. 2nd ed. Moscow, Fortuna Limited publ., 2000, 352 p.
3. Leont'eva N. P., Dmitrieva A. P., Leont'eva A. V. *Ivnev Rjurik. Dnevnik. 1906–1980*. [Ivnev Rurik. Diary. 1906–1980]. Ed. by A. P. Dmitriev. Moscow, Jellis Lak publ., 2012, 880 p.
4. *Ivnev Rjurik. Izbrannoe. Stihotvorenija i pojemy. 1907–1981* [Ivnev Rurik. Favourites. Poems and poems. 1907–1981]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura publ., 1985, 759 p.
5. Ivnev Rjurik. *Mercajushhie zvezdy. Stihotvorenija. 1903–1981* [Twinkling stars. Poems. 1903–1981]. Moscow, Sovetskaja Rossija publ., 1991, 112 p.
6. *Ivnev Rjurik. Stihotvorenija* [Ivnev Rurik. Poems]. Moscow, Sovremennik publ., 1982, 157 p.
7. Kuchin V. P. *Stihotvorenija-molitvy v tvorcestve Rjurika Ivneva* [Poems-prayers in the works of Rurik Ivnev]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 2017, no. 3, pp. 77–83. (Serija: *Russkaja filologija* [Series: Russian Philology]).
8. Smirnova L. A. *Zolotoj son dushi. O russkoj poezii rubezha XIX–XX vv.* [Golden dream souls. On Russian poetry of the XIX–XX centuries]. Moscow, Vodolej publ., 2009, 392 p.